

КОГДА-ТО ИСПАНИЯ слыла супердержавой и богатейшей страной цивилизованного мира, но разгром Непобедимой армией надломил её могущество. Ещё целый век Мадрид входил в число ведущих игроков на политической арене, однако же эпоха выликала новых лидеров. Окончательный удар был нанесён в 1700 году — в Эскориал заселился Филипп Анжуйский, внук Людовика-Солнце, сделав Мадрид подконтрольным Парижу. С тех пор испанский стиль ассоциировался с пряной экзотикой и чем-то необычным: кастаньеты, бой быков, мантилья, черноокая донна, страсть, кровь, жестокость и — честь.

В период романтизма Испанию воспринимали как поэтическую реальность. "Я здесь, Инезия, / Я здесь под окном, / Объята Севилья / И мракот и сном", — писал Александр Пушкин. "Тихо над Альгамброй, / Дремлет вся натура, / Дремлет замок Памбра, / Спит Эстремадура", — перефразировал Козьма Прутков (выдумка братьев Жезучниковых и А.К. Толстого) в стихотворении "Желание быть испанцем". Именно в XIX столетии произошёл и смысловой перевёртыш в отношении "Дон-Кихота" — странные подвиги дворянина из Ламанчи отныне трактовались как борьба за высшие ценности.

Потом и Серебряный век привнёс благоухающую нотку, а Максимилиан Волошин вещал: "Из страны, где солнца свет / Льётся с неба жуч и ярко, / Я привёз себе в подарок / Пару звонких

и лозунг No pasarán! был понятен всем без перевода. Красивое имя — высокая честь. О, благородные доны!

Каталоги с произведениями испанского искусства издавались часто и с удовольствием. Гранд оказывался близок эталонному советскому человеку с плаката — он одевался намеренно неброско, но опрятно, следовал идеалам и жил на протяжении духовной жизнью. Не важно, что был фанатичным католиком, — по большому счёту верующий фанатик ближе, чем циничный атеист, который предаст за бочку варенья да корзину печенья, а то и просто из личной слабости. Советская жизнь, как и та, далёкая испанская, была пронизана верой и самоотречением.

Лопе де Вега, Тирсо де Молина и Педро Кальдерон — вечные авторы для постановок на советской сцене. Бубфы, драпировки, шпаги и кружево. Те страсти понятны, как и докичотство советского мальчика, прочитавшего Сервантеса в пятом классе. Грустный идадьго считался...

тины, как две точки опоры, явлены рядом. К тому же Пикассо нарекал Эль Греко предтечей искусства XX столетия.

ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ МЕСТО в экспозиции отведено религиозной живописи, что неудивительно — вера в Бога у испанцев была сродни экстазу, пронизывавшему каждую частичку их коллективной души. Истовая молитва и громкое раскаяние — свою эмоциональность испанец транслировал высшим силам. "Иоанн Креститель" работы Эль Греко (грек Доменикос Теотокопулос!) — это минорная задумчивость и созерцание посреди жестокостей мира. Образы Эль Греко напоминают иконы — мастер в юности изучал иконопись на Крите и потому соединял застывшую византийскую традицию с динамикой европейского чинквеченто. Отсюда — неожиданные формы и линии.

Его же "Святой Бернард" — это портрет Бернарда Клервоского, вдохновителя Крестовых по-

У НАС В ИСПАНИИ...

Выставка в ГМИИ им. Пушкина

«Испанка в ложе на Пласа де Торес» (1901). Художник Игнасио Сулоага

кастаньет". Вторил и Михаил Кузмин: "Заплаканная, прекрасна и желанна, / Я думал, сквозь трепещущий туман, / Что встретится со мною донна Анна, / Которой уж не снится дон Жуан". Растворение в солнечном мареве. Тёмные кудри. Арагонская хота. От Севильи до Гренады в тихом сумраке ночей... Это вызывало острый восторг.

Но своего пика это упоение достигло в советские времена, и дело не только и не столько в событиях 1936–1939 годов, когда каждый уважающий себя пионер мечтал сбежать в Испанию, дабы присоединиться к армии республиканцев,

героем детской литературы в СССР. Делать жизнь с кого. А потом дон Жуан с лицом главного рупора эпохи — Володы Высоцкого — эстетно умирал подле интеллигентной дивы семидесятых — Натальи Белохвостиковой — донны Анны в "Маленьких трагедиях". Играть Испанию — это играть самих себя.

Обо всём этом и о многом другом невольно вспоминаешь на выставке "Испанская коллекция", что открылась в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. От Эль Греко до Пабло Пикассо, и потому их кар-

ходов. Видный богослов и сочинитель трудов, он держит в руке Библию как источник знаний. Лицо его печально, точно погружено в мучительные раздумья, — такая трактовка Бернарда нетривиальна. То был, скорее, оптимист бойцовского склада, диктовавший свою волю папе римскому и королям, а также написавший изящнейшее сочинение "О благодати и свободе воли".

Работа Луиса де Моралеса "Се, Человек!" (Esse Homo) — это иллюстрация к словам из Евангелия от Иоанна: "Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек!" Сюжет, получивший распространение в позднем Ренессансе, дан у Моралеса как триумф страданий Божьего человека. Экспозицию дополняют культовые-религиозные скульптуры XVII столетия — Мария Магдалина и святая Роза Лимская, покровительница Перу и всей Латинской Америки.

Вот — "Непорочное зачатие" Бартоломе Эстебана Мурильо, вносящего нотки жизнерадостности светскости в свою иконографию. Мадонна изображена как хорошенюшка, чуть пухлая девушка, в которой есть и очарование молодости, и (о, ужас!) некоторая доля манерности. Почерк Мурильо выделялся реализмом и антропоцентрическим видением, мало свойственным испанцу его поколения. В экспозиции представлены два его знаковых полотна — "Мальчик с собакой" и "Девочка с корзиною фруктов". Родные крестьянские дети — они во все века и во всех странах похожи. Интерес к жизни простого человека и его радостям — вот что отличало Мурильо.

А тут — совсем иные типаж! "Портрет Оливaresа" кисти Диего Веласкеса — одна из самых узнаваемых картин испанской живописи. Перед нами знатнейший дон, имевший такое количество титулов, что их перечисление заняло бы два абзаца. Жёсткий политик и при этом — интеллект, покровитель искусств, Оливares пользовался неограниченной властью при дворе. О его богатстве ходили мифы, но одет он безо всякой пышности — лишь чёрное да белое. Скромность в одеяниях отличала грандов.

Хотя, иногда позволялась безудержная пышность, в чём убеждаемся при взгляде на "Портрет инфанта Карлоса II в детстве" работы Себастьяна Эррера Барнуэво. Белокурый принц Габсбург, последний представитель этой династии на мадридском троне, одет, скорее, по-французски — в красно-серебристом облачении. Болезненный и дегенеративный, этот монарх стал символом окончательного крушения испанской мощи, и на репрезентативном портрете мы видим несчастное дитя, коему тяжела любая ноша, особенно королевская упряжь.

Далее — "Наторморт с часами" Антонио де Переда-и-Сальгадо. В XVII веке часы были предметом роскоши и, как сказали бы маркетологи, товаром престижного потребления. На полотне изображён уникальный часовой механизм — в виде небесного свода, который держит Атлант. Рядом — кувшины и морские раковины. Композицию дополняет бархатная драпировка.

На выставке можно увидеть не только живописные полотна и небольшие статуи, но и произведения декоративно-прикладного искусства. На экспозиционной витрине — вазы и тарелки XVII века, созданные в Кастилии, а точнее, в Талавера-де-ла-Рейна, одном из центров европейской керамики. Предметы кажутся не то персидскими, не то арабскими. Испанская культура — это, с одной стороны, враждебность Востоку, ибо Реконкиста — основа основ, но с другой — тяготение к ориентализму. Тут же представлена мебель — кабинет с откидной крышкой, стул и кресло. Все вещи — XVII век, но смотрятся они архаичнее тех, что в ту пору делали во Франции, Италии, Голландии. По стилистике — середина XVI века. Страна затвердевала в традиции, словно бы не решаясь расстаться с эпохой, когда испанцы диктовали волю.

Парадоксально, что в XVIII столетии, в эру вездесущего рококо, это направление вообще не коснулось испанской живописи, а дамы, хоть и носившие пудренные куафюры а-ля Версаль, всё равно крепили на голове "общепородную" мантилью. Во всём желали быть собой, даже в мелочах! Испанцы умели за себя постоять — одни из немногих, кто потом деятельно сопротивлялся Наполеону.

А мы переходим к творчеству Франсиско Гойя, представленному здесь "Портретом актрисы Антонио Сарате", подруги, музы и, если верить слухам, возлюбленной художника. Большеглазая красавица, игравшая классический репертуар, она скончалась в возрасте тридцати шести лет от чахотки, а портрет был написан в год её кончины. Это, по сути, возвышенная эпитафия. Замечательно, что Гойя, живописец из "провинциальной" державы, опередил всех по части отбращения чувств и настроений — тогда это лишь проклявывалось в европейском творчестве. Испанцы или отстают, или намного обгоняют — в этом есть заметное сходство с русскими.

В XIX СТОЛЕТИИ появились свои импрессионисты, и тому пример Мариано Фортун-старший (не путать с младшим, который делается популярным дизайнером и модельером). Его "Заключатели змей" и "Любитель гравюр" — эмоционально заряженные полотна, где главная действующая сила не персонажи, но впечатление, impression. Мази тёплой краски, блики, дух, и нам кажется, что мы чувствуем восточные ароматы или, напротив, запахи старинной мебели в кабинете антиквара. Сюда же отнесём Хоакина Соролья с "Приготовлением изюма" — работники, освещённые солнцем, написаны живо, быстро и словно бы на лету. Импрессион!

Картина Игнасио Сулоага "Испанки в ложе на Пласа-де-Торос" — торжество манерного арнуво, когда провозглашался принцип, сформулированный Оскаром Уайльдом: "Красота выше гения, так как не требует понимания". Женщина должна походить на цветок — ухоженный и капризный. Здесь дамы в мантильях, какие были в ходу у их прабабушек, но с "современными" выражениями лиц — это настоящие кокетки 1900-х, взятые из рекламы духов, конфет или магазинов готового платья.

А вот и Пабло Пикассо — картина "Старый еврей с мальчиком", которая в советских каталогах значилась как "Слепой нищий с мальчиком". Работа "голубого периода" Пикассо, когда он создавал исключительно монохромные полотна с использованием серо-голубой или сине-зелёной красок. Когда-то мастер не мог продать ни один из тех минорных холстов, а нынче "голубые" сюжеты Пикассо — одни из наиболее дорогостоящих. Как всё изменилось!

Экспозицию замыкает модернизмские фигуры Альберто Санчеса Переса "Женщина с воронёнком" и "Кастильская женщина". Судьба его диковинна. Воин Республиканской армии, он был вынужден бежать в СССР, и Москва стала для него второй родиной. Тут он приобщился к русской культуре, сотрудничая с ведущими театрами в качестве буфатора и оформителя. Дружил с режиссёром Григорием Козинцевым и консультировал его на съёмках фильма "Дон Кихот" (1957). Санчес признавался, что русские понимают испанскую душу гораздо лучше, чем другие европейцы. Чтобы ещё раз в этом убедиться, посетите выставку "Испанская коллекция". Там есть о чём поразмышлять.

Галина ИВАНКИНА

СВИРИДОВ

Русский гений

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

СЕГОДНЯ, когда Россия с муками, кровью и жертвами пытается выйти (в связи с чем невольно вспоминается поговорка "вход рубль, выход два") из своего трагического опыта более чем полувекового самоотрицания и стремления полностью раствориться в "общечеловеческой", а на деле, как выяснилось, античеловеческой цивилизации западного глобализма, великий отечественный композитор Георгий Васильевич Свиридов (3 (16) декабря 1915 г. — 6 января 1998 г.) и его творческое наследие вновь оказываются на линии фронта мировой "гибридной войны". Точно так же, как там сражаются не только бойцы СВО, но и вместе с ними — вся наша цивилизация, вся наша культура, весь Русский Мир: от "Слова о законе и благодати" и "Слова о полку Игореве", от православных храмов до современных достижений науки, промышленности, образования, сельского хозяйства и военной полевой медицины. Всё это пронизано, одушевлено энергиями, гармониями и смыслами русской музыки, в том числе — музыки Свиридова.

Родом Георгий Васильевич из курских "солоньичных" краёв, и само место его рождения, городок Фатеж, именем своим созвучно легендарному граду Китежу. Тайна появления и проявления любого природного дара, музыкального в том числе, всегда остаётся тайной, но в случае Свиридова этот дар был бесспорен уже с самого раннего детства и получил все условия для развития — в рамках общей установки советской власти на творчество масс как важнейшей составляющей, сердца "красного проекта" в целом.

После окончания музыкальной школы в Курске 17-летний Юра, как его называли все родные и близкие, был направлен в Ленинград, где продолжил своё образование. Будучи ещё студентом-второкурсником Ленинградской консерватории, в 1937 году был принят в Союз советских композиторов СССР за цикл романсов на стихи А.С. Пушкина, написанных двумя годами ранее и ставший сверхвостребованным в рамках государственной программы по чествованию "солнца русской поэзии" программы, которая ознаменовала собой поворот от идеи "всемирной пролетарской революции" к идее "Советского Союза как Отечества трудящихся всего мира". И даже если это не полностью соответствовало внутренней убеждённости Свиридова в том, что "Россия больше Революции", то ничуть ей не противоречило, а результатом такой синергии, за исключением короткого послевоенного "дела композиторов", было полное официальное признание творчества Георгия Васильевича: звания Героя Социалистического Труда и народного артиста СССР, Ленинская и четыре Государственные премии (включая Сталинскую 1946 г.), множество других премий, званий и наград.

Но, разумеется, не это главное. Ученик сначала Петра Язынова, а затем Дмитрия Шостаковича, Георгий Свиридов с самого начала своего творческого пути органично вбирал в русскую мелодику чуть ли не всю мировую музыкальную культуру: и Запада, и Востока. Его признавали "самым поэтичным композитором", и он не отказывался от сплочённости своего творчества, а — особый! Я пристрастен к слову, как к началу начал, сокровенной сущности жизни и мира... Наиболее действенным из искусств представляется мне синтез слова и музыки. Этим я и занимаюсь...

СОЗДАННЫЕ ИМ шедевры, которые невозможно отрицать или отменить, такие как "Время, вперёд!" или вальс из музыкальных иллюстраций к пушкинской "Метели", оказались неразрывно связанными со словами, записанными им в течение жизни и собранными племянником композитора Александром Белоненко в вышедшей в 2002 году эпопальной книге "Музыка как судьба", которую в тогда ещё либеральном "новорусском" mainstream попытались "не заметить" и замолчать. И понятно почему. Ведь мысли Георгия Свиридова, читателя и автора нашей газеты, звучали как приговор этому mainstreamу.

"Мы переживаем эпоху третьей мировой войны, которая уже почти заканчивается и проходит на наших глазах. Страна уничтожена, разгнана на части. Все малые, а отчасти и большие народы получают условную "независимость", безоружные, нищие, малообразованные. Остатки бывшей России будут управляться со стороны — людьми, хорошо нам известными..."

"В наше время Россия духовно опускается ещё на один порог преисподней. Культура её уже невосстановима. Она уже не нужна большинству населения. Так называемый культурный слой населения... не состоит или состоит в малой степени из представителей коренного населения страны. Это... общество, глубоко враждебное русской нации, русской культуре, русской истории и искусству. Этот культурный слой не может двигать далее культуру вперёд, так как у него нет контакта с фундаментом жизни, нет контакта с землёй, рождающей всё, в том числе и культурный фонд..."

"Я устал от бесконечных воплей и сегований по поводу "нецивилизованности" России, "нецивилизованности" русских главным образом. Странно слышать, когда так говорят соотечественники Лобачевского, Менделеева, Гоголя, Лермонтова, Тютчева, Есенина, Достоевского, Чайковского. Правда, я говорю о культуре, а не о цивилизации, о "Слове о полку Игореве", а не о позолоченном унитазе..."

"Не тот человек патриот, кто кричит об этом на всех улах, а тот, кто любит свою Родину, свой народ, гордится им, верит в его могучие силы, тяжело переживает и возмущается своей голгой против несовершенства жизни..."

"Совесь" — вот что Россия принесла в мировое сознание. А ныне — есть опасность лишиться этой высокой нравственной категории..."

"Искусство, в котором присутствует Бог как внутренне пережитая идея, будет бессмертным..."

"В искусстве главное — это как раз то, чего вообще нельзя придумать. Это главное является как откровение..."

Сегодня все мы, только уже в большей мере, на новых уровнях раскрытия темы, постигаем феномен Георгия Свиридова, его творческое подвижничество, целью которого было "воспеть Русь, где Господь дал и велел мне жить, радоваться и мучиться..."

Владимир ВИННИКОВ

ОДНА ТЫСЯЧА девятьсот двадцатый год. Молодая советская Россия организует Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС) — учебное заведение для художников, скульпторов и дизайнеров. Среди них люди в будущем очень разных эстетик: Дейнека, Кончаловский, Татлин, Кузнецов... "Анализ перспективы" им преподаёт философ Павел Флоренский. На вступительной лекции он задаётся вопросом:

— Не абсурдно ли учить художника? Ведь он сам учитель: он способен увидеть то, что остальные проглядели, мимо чего прошли и не оглянулись. Так чему же можно научить учителя?..

Поставим здесь пока многоточие. Тот же Флоренский в 1932 году опубликовал статью "Физика на службе математики", где описал небывалый прибор "электроинтегратор", которым по большому счёту предвосхитит компьютер. Первая треть XX века явят целую череду научно-технических открытий и изобретений: от лучшей Рентгена и кинематографа до аэроплана и автомобиля. Прагматичные умы будут в восторге от нарождающегося уклада жизни, в котором ускорятся все производственные процессы. Точные науки, как это уже бывало в минувшие века, дерзнут на постижение всего таинственного, на изъяснение всего невыразимого.

Иначе отреагирует на технический прорыв гуманитарное и художественное сознание.

Куприн в повести "Молох" уподобит завод ненасытному языческому богу, что постоянно требует жертв: "Давно известно, что работа в рудниках, шахтах, на металлургических заводах и на больших фабриках сокращает жизнь рабочего приблизительно на целую четверть... Двое суток работы пожирают целого человека. Вы помните из Библии, что какие-то там ассирияне или моавитяне приносили своим богам человеческие жертвы? Но ведь эти медные господа, Молох и Дагон, покраснели бы от стыда и от обиды перед теми цифрами, что я сейчас привёл".

Буквально в один год со статьи Флоренского об электроинтеграторе Бердяев напишет статью "Человек и машина", где скажет, что культура оказалась буквально под угрозой уничтожения: "Мы стоим перед основным парадоксом: без техники невозможна культура, с нею связано самое возникновение культуры, и окончательная победа техники в культуре, вступление в техническую эпоху влечёт культуру к гибели. В культуре всегда есть два элемента — элемент технический и элемент природно-органический. И окончательная победа элемента технического над элементом природно-органическим означает перерождение культуры во что-то иное, на культуру уже не похожее".

Во всём этом извечный страх — возрожденческий, средневековый античный, даже первобытный. Страх того, что человеческие творения однажды восстанут на своего творца.

Не подобные ли чувства переживаем мы сегодня, когда речь заходит об искусственном интеллекте: с одной стороны — жажда цивилизационного прорыва, жажда сбережения через это собственных сил и времени; с другой — ужас от того, что нечто неживое посягает на человеческую сущность, уподобляется человеческому естеству. Советский шахматист Михаил Ботвинник, занимавшийся на склоне лет проблемами искусственного интеллекта, в самом начале 90-х говорил: — Сегодня создана такая компьютерная программа, которая после каждого хода в шахматной партии способна представить всё множество последующих сценариев — "дерево вариантов". Но выбрать лучший из них она пока не может. Так что сейчас мы имеем ещё не гениальную машину, а трудоспособного идиота.

Но совсем скоро компьютер сумел обыграть сильнейших шахматистов — "идиот" заметно поумнел. Однако всякий раз, изумляясь росту искусственного интеллекта, мы почему-то никогда не задумываемся о состоянии интеллекта естественного.

НЕЙРОСЕТЬ — самая загадочная разновидность искусственного интеллекта. Она бросает нам вызов. Она смеётся над нами. Она будто говорит каждому человеку: "Не машина поумнела, а ты поглупел."

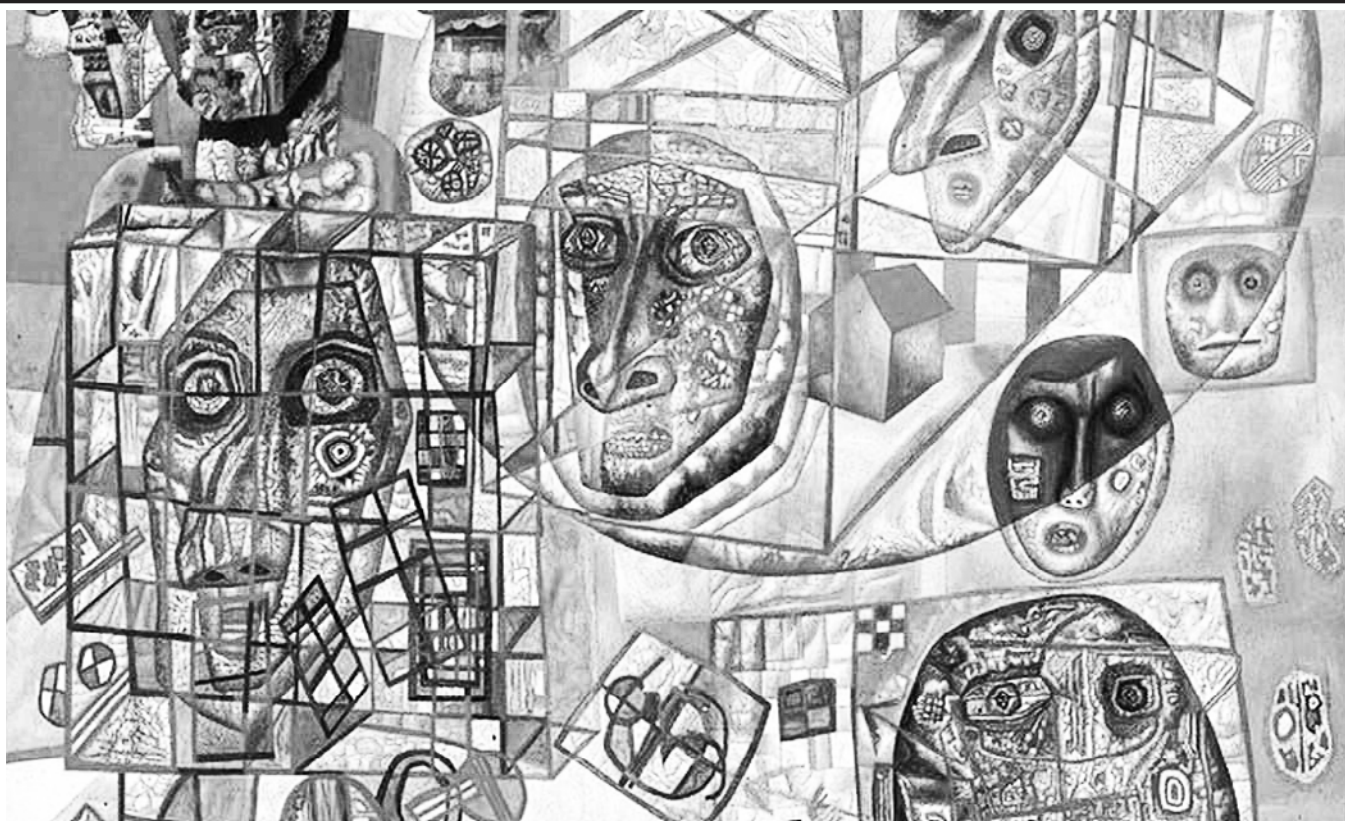
ПОСЛЕДНИЙ БАСТИОН

Искусственный интеллект и поэзия

Твой нынешний ум взвешен на весах и найден слишком лёгким. Ты задам мне низкую планку. Ты породил в своей жизни пустоту, которую призвал меня не заполнять, а множить".

Не так давно много шума наделала история о том, как в одном из крупнейших столичных вузов накануне защиты студент с помощью нейросети сгенерировал текст дипломной работы, которая была принята комиссией и успешно защищена. Этот факт уничтожает дипломную работу как вид аттестации, но в первую очередь говорит о качестве самих работ и формальном к ним отношении. Если в начале XX века отзывают на выпускные студенческие диссертации руководители нередко завершали фразой "рекомендуется к изданию", то сегодня основные задачи выпускника — компиляция, повышение оригинальности текста, прохождение антиплагиата. Стоит ли удивляться, что нейросети всё это под силу?

Ещё одно достижение — роман, написанный нейросетью на основе сериала "Открытый брак". Роман издан, распространён в книжных магазинах и на интернет-площадках. Но это опять-

ПОСЛЕДНИЙ БАСТИОН

Искусственный интеллект и поэзия

таки говорит об уровне современных сериалов с их ходячими сюжетами и персонажами; говорит о природе массовой литературы, где нет оригинальных образов, самобытного авторского языка, неповторимого стиля. Прimitив — тот исходный материал, который закладывается в искусственный интеллект и вполне осваивается им.

Теперь всё чаще говорят, что нейросеть вот-вот уберёт профессию копирайтера. Нейросеть уже генерирует текстовый контент для многих сайтов, делает глубокий рерайт. Но не естественный ли интеллект довёл инфосферу до такого состояния, когда она начала возводить всё в нулевую степень информации? Количество информационных площадок значительно превосходит плотность потока информации. На этих площадках говорят об одном и том же и даже не разными голосами. Нестандартный взгляд, оригинальное осмысление нужны далеко не всегда и далеко не везде. "Переставь слова, нагони строка, расстани мне ленту новостей" — просит человек нейросеть.

Но, несмотря на заданность и шаблонность, нейросеть всё же настора-

живает: она претендует на целостность восприятия, на самостоятельную установку связей между заложенными в неё элементами. А значит — на картину мира: и языковую, и художественную.

ПОСЛЕДНЕЙ ЦИТАДЕЛЬЮ естественного интеллекта остаётся поэзия. Разработчики нейросети признают, что хорошего стихотворения она написать пока не может, какие словари и грамматики в неё ни закладывай. Для неё непостижимо, как рождается "на холмах Грузии лежит ночная мгла", "в горнице моей светло", "весна света", в чём разница между "кровь с молоком" и "молоко с кровью". Поэзия — это не грамматика и словари, не сочетаемость форм и значений. Это невыразимое. Это наитие. Один поэт говорил, что под дулом пистолета сделаешь всё что угодно, только хорошего стихотворения не напишешь. Но есть опасение, что и уровень "естественной" поэзии очень скоро может опуститься настолько, что даже рифмоплётство нейросети станет вызывать восхищение у глухого к подлинному слову читателя. Но пока поэзия держит оборону.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

Иллюстрация: «Головы (Человек в мире)» (1926). Художник Павел Филонов